

Владимир Быков

ДВА ПОЛЮСА ЖИЗНИ

16+

Владимир Быков

Два полюса

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Быков В.

Два полюса / В. Быков — «ЛитРес: Самиздат», 2002

В книге «Два полюса жизни» приведены краткие биографии достаточно известных людей: политиков, государственных деятелей, инженеров, ученых — активных борцов, и даже больше, борцов, определяющих движение жизни. Но одни из них, подчиняли свои действия законам природы и, занимаясь созиданием, задавали приятный нам угол подъема плавной кривой эволюционного развития человечества, другие же, действуя антиприродно, сотрясали мир пустой болтовней, либо готовили и учиняли форменный разбой, вызывали возмущения и отбрасывали общество назад. Так было раньше, так остается сейчас. Люди разделились у меня сами по себе Как бы самостоятельно на два самостоятельных полюса

© Быков В., 2002

© ЛитРес: Самиздат, 2002

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПОЛИТИКИ, РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ, ИХ ОКРУЖЕНИЕ	7
Маркс	7
Ленин	13
Сталин	19
Троцкий	22
Бухарин	24
Волкогонов	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Быков

Два полюса

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не в том интерес, что мои, обычного человека, представления о мире и жизни не менее богаты, чем таковые выдающихся умов, а в том, что они часто вернее великого множества суждений самых известных из них.

Может, покажется несколько странным, но одно из наиболее сильных детских впечатлений в возрасте, когда человек начинает пытаться думать и что-то соображать, связано у меня с самостоятельным прочтением первых книжек. Не содержанием, а показавшейся мне почти магической их безошибочностью. В жизни, я часто видел и слышал, люди делали не то, что надо, говорили не так, как думали: слова и мысли их представлялись мне сомнительными либо явно неправильными. В любой же попавшей в руки книжке все было абсолютно верным, стройным – ни одной пропущенной даже самой малой буковки или запятой. С таким божественным восприятием книги я прожил лет до 11—12, пока в задачнике по арифметике не обнаружил одну ошибку. Настолько тогда поразился, что раз десять разными способами решал злополучный пример и сверял мною полученное с помещенным, по тогдашним правилам, в конце задачника ответом, дабы утвердиться в столь не представляемом для меня издательском упущении.

За первым случаем последовали следующие. Дальше, по мере того как мы выросли и тогдашняя жизнь обязывала нас, кроме нужного и полезного, обращать свой взор на массу политической и другой макулатуры, все поехало по закону геометрической прогрессии. Интерес мой с опечаток и типографских ошибок перешел на содержание, на суть авторской концепции, особо тогда, когда они касались тех вещей, что интересовали меня или, по крайней мере, к которым я был не совсем безразличен.

Так вполне естественно у меня выработалось критическое отношение к написанному слову, причем в плане не только отрицания, но и подтверждения собственных размышлений, что, как известно, доставляет нам особое удовольствие.

Приведенное ниже есть результат обработки сделанных мною в разное время заметок на полях прочитанных книг. Мне лично их кажущаяся ценность представляется в том, что они вне каких-либо политических и прочих веяний, вне моды, вне подчиненности чему-то заранее придуманному. В них, без всякой предвзятости, авторские мысли, навеянные моим, часто интуитивным, пониманием природы и человека.

Интуиция же, видимо, есть не только постижение истины без логического обоснования, основанное на опыте, чутье или нашей проницательности. Скорее нечто большее, это дух природы, оплодотворяющий мысль через информацию, накопленную и неким образом обработанную и приспособленную живой жизнью для указанного на нас воздействия. Мы буквально наполнены не только собственными знаниями и опытом, а, в неизмеримо большей степени, таковыми предшествующего нам живого мира. Как они попадают в сознание и как извлекаются, меня не интересует: достаточно факта тесноты идей и бесконечной их повторяемости. Лишь истинным открытиям суждено быть «первыми», с тем чтобы также, в конце концов, подвергнуться неизбежному повторению.

Я называю этот процесс интуитивным финализмом, вытекающим из predetermined, естественно, не неким божеством, а природой, целей и законов жизни.

Доказательство тому, здесь приведенное, получено во многом на основе чисто личных впечатлений и мыслей, которые затем, иногда через многие годы, подтверждались либо жизнью, либо иным образом. Безусловно, среди соответствующего моим взглядам встречались и продолжают встречаться соображения противоположного звучания. Однако меня последние, не без исключения, мало смущали и не расстраивали, поскольку в подавляющем числе они исходили от людей, мною не очень уважаемых: лживых по природе политиков, разного рода «кабинетных» философов и публицистов, вдруг в переходный период взявших на вооружение прямо противоположное тому, что они звучно декламировали чуть не вчера при советской власти и что никак нельзя объяснить объективным и даже возрастным изменением их позиций.

Тем не менее и этот вывод я всегда подвергал определенному сомнению, до тех пор пока не получал подтверждения ему аналогичной точкой зрения, исходящей от заслуживающей доверия личности. И совсем исключал таковой, когда устанавливал, что подобного моему придерживаются явно мне импонирующие давно знакомые люди, особо те, кто всю жизнь занимался истинно полезным делом, а не заказным трубадурством.

ПОЛИТИКИ, РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ, ИХ ОКРУЖЕНИЕ

Маркс

О Карле Марксе у меня сложилось, должен признаться, достаточно поверхностное, но абсолютно негативное мнение еще в студенческие годы. Поверхностное потому, что трудов его тогда мы как следует не читали, чужой весомо-объективной оценки их не знали и руководствовались больше интуитивными соображениями и отдельными косвенными признаками. Например, своими впечатлениями от тех, кто «вколачивал» в нас его идеи, но не оставил при этом в сердцах и душах ни благодарности, ни восхищения, так естественно свойственных молодому возрасту и постоянно, помню, возникавших в сфере других наук и других встреч. Более того, все «те» были в наших глазах достаточно серыми и даже жалкими личностями, вынужденными, как нам казалось, некими обстоятельствами заниматься ненавистным делом и постоянно пребывать в состоянии начетчиков, не способных достойно и аргументировано ответить ни на один из «каверзных» задаваемых нами вопросов. Конечно же, подобное отношение не могло не переноситься на ими читаемое.

Позднее, во времена наступившей гласности, когда на общество низверглась масса ранее ханжески запрещенной литературы, моя интуитивная оценка Маркса оказалась даже несколько приглаженной в сравнении с давно о нем написанном. Тем не менее, как бы в таком случае она ни совпадала с мнением других, сколь бы последних ни было много и как бы ни были они для меня авторитетны и уважаемы, – оставались определенные сомнения в правильности подобных суждений. Снять их можно было только при более глубоком ознакомлении с предметом и соответствующем его анализе. Я сделал это, и сделал не только в силу данного обстоятельства, но и, в какой-то мере, под воздействием недавно прочитанной безупречной критики Маркса графом Витте (о которой далее упомяну). Настолько безупречной, что по тем же соображениям она вызвала у меня желание немедленно подтвердить или отвергнуть окончательно как виттевский, так и свой собственный взгляд на Маркса. Я проработал его главный труд – «Капитал» и, уже без сомнений, вот к чему пришел.

Первое, что сразу бросается в глаза, начиная с предисловий к «Капиталу», – это безмерная, лишенная самой элементарной скромности, авторская амбициозность; притязания на *«открытие экономического закона движения современного общества»* и *«большую научную строгость»* сочинения; *«последовательное проведение чисто теоретической точки зрения»*; свою особую «поставленную на ноги» диалектику, которая в ее *«рациональном виде* внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее переходящей стороны, *она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»*.

С чего же начинает весьма эрудированный, но не знающий настоящей жизни и оттого пошкельному мыслящий, диалектик свое учение?

Начинает он его со статичного отображения процессов производства и обмена товаров. Присваивает товару несколько придуманных им искусственных видов стоимости (потребительную, просто стоимость, как «созидающую субстанцию», прибавочную стоимость и разные еще их формы). Присоединяет в дополнение к ним абстрактный общественно полезный труд и прибавочный труд, по пути наделяя товар для большей таинственности качествами живого

существа, полного «*причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений*», и производит с названными категориями элементарные арифметические упражнения.

Но поскольку производство и товарное обращение исключительно динамичны, многофакторны и, кроме того, в огромной степени зависимы от людей со всеми их, настоящими, причудами (талантливостью, технической и организационной способностями, изобретательностью, хитростью и даже стройными ножками продавщицы), а сам абстрактный общественно полезный труд есть вещь в себе и вообще не поддается хотя бы какому-либо численному выражению, то автор вынужден заняться софистической игрой в цифры для получения желаемой прибавочной стоимости и доказательности тем самым ненавистной ему эксплуатации труда капиталом. Вот один из примеров, как это он делает, в моем кратчайшем изложении, но с полным сохранением авторской логики и связующих слов, определяющих смысл написанного.

1. Капиталист купил на рынке 10 фунтов хлопка, *например*, за 10 ш.

2. *Предположим* далее, что при переработке хлопка будет израсходовано веретен на 2 ш.

3. *Отсюда* стоимость средств производства, хлопка и веретен, равна 12 ш.

4. *Если в течение часа перерабатывается $1\frac{2}{3}$ ф. хлопка в $1\frac{2}{3}$ ф. пряжи*, то 10 ф. пряжи *указывают* на 6 *впитанных* рабочих часов. (Тут Маркс специально, для пушшего затуманивания сути ввел дроби, однако надо ему отдать должное: в операциях умножения и сложения ошибок не допустил.)

5. При продаже рабочей силы *предполагалось*, что ее дневная стоимость равна 3 ш. и что в последних воплощено 6 *рабочих часов*.

6. *Тем самым* в общей стоимости продукта, этих 10 ф. пряжи овеществлено $2\frac{1}{2}$ рабочих дня: 2 дня содержится в хлопке и веретенах, $\frac{1}{2}$ рабочего дня *впитано* во время процесса прядения.

7. *В результате* получилось, что стоимость продукта равна стоимости авансированного капитала и не произведено *никакой* прибавочной стоимости.

8. Но если 10 ф. хлопка *впитали* 6 рабочих часов и превратились в 10 ф. пряжи, то 20 ф. хлопка *впитают* 12 рабочих часов и *превратятся* в 20 ф. пряжи.

9. Поскольку 6 *дополнительных часов* *рабочий трудился* (по Марксу) *без оплаты*, то получается, что 27 ш. *авансированного капитала превратились* в 30 ш. Они принесли прибавочную стоимость в 3 ш.

«Наконец фокус удался. Деньги превратились в капитал!» – восклицает автор. Удивительная неосознанная способность человека иногда передать против своего желания то, что есть на самом деле, или, думая одно, отразить совсем другое. Маркс этим восклицанием хотел вложить «фокус» в уста капиталиста, а фактически дал однозначную и сверхкраткую оценку своим арифметическим упражнениям, в частности, да и всему, пожалуй, труду в целом. Но вернемся к тексту.

Не будем критиковать автора за корявость и трудную читаемость приведенных тут девяти фраз, хотя их можно было изложить в три раза толковее и в два раза короче. Главная наша критика заключается в другом. В «Капитале» подобных вычислений десятки, если не сотни, и все они построены на абсолютно произвольном, для получения нужного результата, численном назначении исходных величин. А дабы затемнить такой произвол, они (вычисления) переплетены с не имеющими никакой смысловой ценности бесконечными малосодержательными пояснениями, разъяснениями и разного сорта тавтологиями, когда какой-нибудь факт сперва излагается с одного бока, затем с другого и вдобавок еще в обе стороны с его середины.

Приведенным выше вычислительным упражнениям, например, предшествуют разные пояснения на 150-ти страницах, которые вполне можно было бы изложить на каких-нибудь 5-ти листах, да и сами эти фразы разделены между собой подобным же количеством совсем пустой породы. Так, после первых двух, на целой странице нам назидательно излагается, что «если количество золота в 12 ш. составляет продукт 24 рабочих часов, или *двух рабочих дней*,

то из этого *прежде всего следует, что в пряже овеществлены 2 рабочих дня*», что «рабочее время, необходимое для изготовления хлопка, *заключено в пряже*», что «точно так же «обстоит дело с рабочим временем, *необходимым для производства того количества веретен, без снашивания или потребления которого хлопок не может быть превращен в пряжу*», что «если бы капиталисту пришла фантазия применять золотые веретена вместо железных, то в стоимость пряжи *входил бы, тем не менее, лишь общественно необходимый труд*, т.е. рабочее время, необходимое для производства железных веретен»... Такого же характера весьма пространные писания приведены и между остальными фразами.

А вот промежуток перед двумя последними автор заполняет чуть ли не целым романом. Тут и «*смущенность* капиталиста» тем, что «стоимость продукта равна стоимости авансированного капитала» и что последняя не увеличилась и *не произвела прибавочной стоимости*. Что «цена 10 ф. пряжи равна 15 ш., и 15-ть же шиллингов были израсходованы на товарном рынке на элементы созидания продукта... на факторы процесса труда» и т. д. Пока, наконец, не оказывается, что капиталист «*просто дурачил нас всеми жалобами*», и давно, еще покупая рабочую силу, знал, что «*для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно половины рабочего дня*» и опять и т. д. и т. п. в том же духе. Теперь представьте себе, как среди этого леса пустословия добраться до основы и убедиться, что она также пуста.

Но Маркс настроен на величие своего труда и потому излагает материал в религиозно-мистической манере, придавая товару, его движению и придуманным категориям товарного обращения почти божественные функции. В дополнение к отмеченному, товар у него не нормальный продукт человеческой деятельности, а «*гражданин мира*», обладает «*загадочным мистическим характером*», умеет сам «*бегать, выступать, достигать, выпасть и превращаться*», а все процессы, совершаемые с товаром, исполнены каких-то «*противоречий, двойственности, фетишизма и тайны*». Тем не менее, несмотря на столь мощное религиозное прикрытие, Маркс, под давлением, видимо, критики или вновь им чего-то прочитанного, чего-то дополнительно придуманного, в некий момент своего сочинительства ощущает очевидную некорректность написанного. Ему, как любому автору, не хочется перерабатывать сделанное, и придумывается оригинальный выход из создавшегося положения.

Он делает невинное примечание, вроде: «Для того чтобы понять производство прибавочной стоимости, *и притом только на основе уже достигнутых результатов нашего анализа*, необходимо отметить следующее». Или: «В следующей главе мы увидим, что этот закон имеет значение лишь для той формы прибавочной стоимости, которую мы рассматривали до сих пор». Или: «На базисе товарного обмена предполагалось, что капиталист и рабочий противостоят друг другу как свободные личности, как независимые товаровладельцы». Ну и что? А то, что теперь то же самое, после каждого очередного примечания, начинает выписываться в других главах с учетом новых факторов.

На прежнем уровне..., но с учетом влияния на процесс: кооперации, машин и крупной промышленности, рационализации, изобретательства, повышения производительности, интенсивности труда. Теперь для получения 10 ф. пряжи требуется не 10 ф. хлопка, а больше: появились отходы. За счет повышения производительности машин стало сокращаться время труда, а прибавочная стоимость расти, но пока еще вне влияния величины постоянного капитала и без разделения последнего на его абсолютно необходимые при данном анализе отдельные и совершенно по-разному проявляющиеся составные части, расходуемые на постоянные длительного пользования средства производства и быстро обрабатываемые материалы. Далее по тем же правилам вводятся понятия о кредите, основном и оборотном капитале, времени и его влиянии на оборот капитала... Но снова все в том же качественном виде и опять с тенденциозно-болезненным вытаскиванием на главный план «прибавочного» труда и его стоимости. Все становится ясным.

Маркс и подавляющее число известных ему экономистов были достаточно кабинетными учеными, мало понимавшими истинные реалии жизни. Писали они, судя по многочисленным цитатам, составляющим по объему чуть не добрую половину «Капитала», больше для своего круга. Писали почти все трафаретно с величайшей самовлюбленностью и прожектерскими притязаниями на открытия, отсюда одинаково некорректно, с большим количеством упущений и потому, как бы специально, предоставляли друг другу материал для взаимной того же качества критики.

Капиталисту эти кабинетные труды были не нужны. Из любопытства он их, может, и полистывал, расширял свой кругозор, но про себя посмеивался и удивлялся – разве только легкости слога и писательской плодовитости авторов.

Действовал же в жизни совсем по-другому, исходя из главных особенностей интересующего его процесса. Последний обязывал капиталиста срочно придумать то, чего еще нет

у потенциальных конкурентов, сделать это придуманное возможно качественнее, быстрее и с минимальными затратами, а для этого купить всё, включая рабочую силу, подешевле и надлежащего вида и заставить, используя свой талант и способности (про которые Маркс совсем забыл), все доставленное продействовать должным образом. Затем, согласно давно известным законам рынка, привлечь доброго продавца (не исключая той особы со стройными ножками) и поручить сбыть товар там, где на него высокий спрос и где можно взять максимальную цену. Учесть при этом кучу других факторов. Наконец, сосчитать правильно, поскольку все делается в реальном пространстве и времени, дебет – кредит, взвесить, соответствует ли полученный доход им ожидаемому, и ринуться, если повезло, в очередную авантюру.

В чем же тогда особенности товарного рынка при капитализме? Да ни в чем. Все его принципы известны с времен, когда человек научился таскать головешку для розжига своего костра. Изменились лишь масштабы. Выгодная сделка (хоть купля, хоть продажа чего бы то ни было) для одной стороны по отношению к другой основывалась всегда на их неравенстве: когда на одной стороне – богатый, сильный и сытый, а на другой – бедный, слабый и голодный. Это неравенство возникло на земле от природы, с момента появления на ней первого живого существа. Человек здесь даже никакое не исключение, так что эксплуатация – от общественного неравенства людей, причем группового, а отнюдь не классового. Марксовый прибавочный труд (который к тому же, поговаривали, придумал первым вовсе не он, а некий Ротбертус) – тут ни при чем. «Теория» прибавочной стоимости есть с позиций настоящей науки самая настоящая фикция.

Миром правит не только капитал и жадность к обогащению, а и, пожалуй, в значительно большей степени то, что Джек Лондон называл человеческой устремленностью к «влиянию и власти». Маркс также действовал полностью по Джеку Лондону. Ему нужна была слава не просто борца, – гения. Он не мог обойтись одной констатацией факта капиталистической эксплуатации рабочего труда. Нужно было так любимое всеми философами «теоретическое» обоснование такого факта.

Он его придумал, и «фокус» получился... Какой?

В «Капитале» Марксом приведено огромное число очень злых, но часто весьма метких отзывов о трудах его коллег и оппонентов. Об исходных причинах и качестве подобной критики, добрая половина которой может быть отнесена к самому Марксу и его «Капиталу», я упоминал. Один из них, адресованный Мальтусу, полностью сему соответствует и прямо отвечает на поставленный выше вопрос. «Большой шум, вызванный этим памфлетом, объясняется исключительно партийными интересами». (Я не привожу здесь предшествующих данному выводу слов Маркса в силу их разбойничьей тональности. См.: К. Маркс. «Капитал». Издательство политической литературы, 1953, с. 622.)

Именно в силу названных интересов: любви к «теориям», внешней монументальности и бунтарского духа, «Капитал» был взят на вооружение революционерами. Прожженный хитрец Ленин, полагаю, отлично знал истинную научную цену «Капиталу», но ему нужен был коммунистический Бог. Он сделал Маркса Богом, а «Капитал» – Библией. (Равно, как Сталин проделал то же с Лениным и его Трудом, а Ельцин, наоборот, с Богом и Библией, уже в первоизданном их виде).

Но жизнь есть жизнь, ее действительные законы существования не могут быть низвергнуты человеческими желаниями. Я прихожу почти к абсолютному выводу, что истинная эволюция жизни и культуры человека, прежде всего, есть результат материализованного творческого труда ученых, инженеров, техников и прочих людей, занимающихся истинно полезным для общества делом. Мир же всех пишущих, агитирующих, чего-либо проповедующих в лучшем случае лишь косвенно способствует первым, иногда повышая несколько их интеллектуальный потенциал. В худшем – создает возмущения для очередного их устранения той же плеядой деловых людей в рамках естественной природной борьбы всего живого.

Марксу в этом плане принадлежит особо «выдающаяся» роль. Он получил результат прямо противоположный желаемому. В отношении его, как никого другого, сработала гегелевская «ирония истории». Придуманная им для капитализма главный исходный принцип возникновения капитала путем сведения стоимости рабочей силы «к стоимости определенной суммы жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца», оказался в безупречно чистом виде претворен... в социалистическом обществе с его единой фабрикой, единым колхозом. Только в такой системе, вне конкурентной борьбы и при общих правилах «игры» для всех, стало возможным *точно сосчитать* и платить ровно столько, сколько нужно для «поддержания жизни» рабочих рук. Как эта плата определялась – вопрос, который я оставляю для разрешения новым марксизмом.

Круг замкнулся. Гегель был прав, но... только в части одержимых, подобных Марксу. На людей дела гегелевская «ирония» не распространяется. Они творили и могут достойно и плодотворно продолжать творить в полную силу своего таланта, ума и способностей.

Так что от Маркса – один негатив? Было бы крайней моей односторонностью остановиться на одном выше сказанном. Природа уравновешена. Правда, не ламарковское «идиллически-флюидное самосовершенствование» живого, не противоположный ему дарвинский «беспощадный отбор» и не марксистская социализированная «борьба противоположностей», а придуманная природой борьба, как органический элемент эволюционного процесса, обеспечивает это равновесное в ней состояние для наиболее, видимо, эффективного безэнтропийного ее существования. Этот закон равновесного состояния в мире живого есть интереснейший эквивалент физическому закону сохранения энергии, импульса и электрического заряда, согласно которому в замкнутой системе не исчезает, а переходит лишь в другой вид энергия, сохраняется постоянным полный импульс и сохраняется равным нулю суммарный заряд.

Бескомпромиссная ненависть Маркса к эксплуатации, удобренная «монументальной теорией», не могла не привести к упомянутому огромному отрицательному всплеску, который тут же, в соответствии с названным законом сохранения, был скомпенсирован ему обратным положительным зарядом – здоровой реакцией Капитала на положение рабочего класса. Можно смело утверждать, что не будь нашей революции, в стратегическом плане загнавшей нас в глубочайшую яму, не было бы и того обратного, явно положительного, что произошло в современном капиталистическом обществе. Оно ринулось вперед прежде всего на «советских дрожжах».

Это сегодня наша, в подавляющем своем большинстве продажная, пишущая братия стала усматривать в советской соцсистеме только одни жестокости и прочие ее минусы, забыв абсолютно обо всем том, что в свое время заставило задуматься и предпринять соответствующие шаги весь остальной мир. Невиданное по объемам наше строительство, полностью и для всех

бесплатное обучение и врачевание, становление на первое место человека полезного труда, а не купца и чиновника, государственное планирование и т. д. Иногда говорят, что все это, и может даже лучше, было бы свершено и без революции. Приводят при этом некоторые аналогии, например Финляндию. Однако история не приемлет сослагательного наклонения, да и Финляндия не исключение из мира Капитала: она подпитывалась тем же воздействием своего мощного соседа. Вопрос есть. Но только вопрос, а отнюдь не однозначная, не требующая доказательств истина.

Более того, после победы в «здоровом соревновании», похоже, мир, удобно разместившийся под солнцем, начал загнивать снова – в ожидании нового бунтаря. Этот мир, действительно, многое сделал, но сделал только для своих народов, противопоставив им всех остальных. Раньше сильные и богатые учиняли подобное по отношению к бедным в пределах своих государств, теперь они вылезли на уровень противопоставления друг другу в масштабах целых стран и континентов. И задают тут тон и государствам, и народам, прежде всего, сами главные правители – всей традиционной показушной мишурой своего существования, лишенной какого-либо здравого смысла. Не отсюда ли, не от их ли примера жизни, учиняется мерзкое соревнование имущих в присовокуплении к своей особе такой же мишуры, вызывающей отвращение и ненависть у любого мало-мальски уважающего себя здорового человека? Как и чем это кончается – давно известно.

Нет, ничто нелишне под нашим солнцем: все объяснимо, все подчинено закону сохранения – равновесному состоянию природы. Думать, что творим, надо своевременно. Любой социальный взрыв и появление на исторической сцене людей, подобных Марксу, – прямое следствие существования тех, кто, неприемлемо для природы, слишком долго продолжает жить только «для живота» и потреблять сверх некоей дозволенной нормы.

Ленин

В начале 60-х годов, дабы избавиться от посещения еженедельных обязаловских политзанятий, я договорился с одним из функционеров, ответственным тогда за данный участок партийной работы, о самостоятельном изучении трудов В. И. Ленина. Выполнить это я решил для себя не формально, а с заводным желанием узнать на самом деле, что сделал этот человек в практическом плане строительства государства, о котором мечтал 25 лет своей предыдущей жизни.

Сейчас, перечитывая записи, я вспоминаю, как под пропагандистским прессом его гениальности, а сколько-то из чисто утилитарных соображений – получения, без лишних споров и объяснений, требуемой отметки в контрольном журнале упомянутого функционера (известного мне своим неукоснительно тщательным выполнением любых партийных поручений), – чуть не с первых страниц старался оправдать Ленина в своих глазах и вытащить его из того болота, в котором он постоянно у меня оказывался из-за полного, как и Маркс, незнания жизни и психологии движущегося по ней нормального человека. То я писал, как он первый что-то придумал или как первый отказался от неверного решения, то как раньше других что-либо понял или оценил, как проявил настойчивость, решительность, целеустремленность и т.д. и т.п. Короче, действовал в полном соответствии с общепринятыми рецептами: когда нечего сказать – пиши что-либо высокопарное.

Рассматривая чьи-то поступки, принимаемые решения, действия и полученные результаты, мы, естественно, подходим по-разному к оценке как людей, так и их деяний и, прощая иное дураку, едва ли можем позволить себе то же по отношению к умному. Еще более глубокими критериями мы обязаны руководствоваться при оценке обычного человека и человека, наделенного властью, тем паче, ее активно захватившему. Для первого придумаем массу оправдательных причин, которые так или этак, но могут быть восприняты или, во всяком случае, признаны достаточно вескими в наших собственных глазах.

Для второго, от действий которого зависит судьба многих тысяч или миллионов людей, да еще претендующего на роль исторической личности, оценочный критерий может быть только один – конечный результат. Ни умнейшие речи, ни лозунги, ни решения и, даже, ни самые впечатлительные процедуры движения к заветным целям, а только конечные результаты, принимаемые или, наоборот, отвергаемые обществом. Безусловно, его большинством, а не власть поддерживающими.

Только с таких позиций мы можем установить что-то разумное, ибо неизбежным спутником любой власти, государственной особо, кроме всего прочего, является ложь и демагогия. Препарировать последние и признавать их обоснованность, необходимость для желаемого субъектом можно, опираясь лишь на фактические реалии достигнутого, осуществленного.

Иначе простая говорильня, которая имела и имеет место на Руси в силу относительно низкой культуры и неуважения к своему Я достаточно большой прослойки наших образованных людей, лишенных чести и достоинства, способных к бессовестному, явно тенденциозному сочинительству и прославлению того, за что платит власть. Вчера эта армия крыла почем зря царя и попов, а сегодня – столь же гневно их критиков.

Исходя из таких условий, отбросив выше отмеченное мое сюсюканье в адрес Ленина, вот как он мне фактически представлялся и представляется сейчас по записям тех давних лет.

Первое историческое заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, второй Всероссийский съезд, заседание Президиума Петроградского Совета, седьмой съезд РКП(б), бесчисленное множество скомканных, наскоро написанных декретов, постановлений, проектов, воззваний, лозунгов, обращений, разъяснений. Триумфальное шествие, как пред-

ставляется Ленину, шествие первых месяцев революции в политической области и... никаких реальных сдвигов в решении главной задачи, задачи внутренней организации, связанной с превращением государственного экономического механизма в *«единую крупную машину, в организм, работающий по единому плану»*.

Четыре месяца невероятных усилий для того, чтобы полностью опровергнуть его же собственное за два месяца до революции предсказание о власти Советов как единственной власти, которая могла бы *«сделать дальнейшее развитие постепенным, мирным, спокойным и которой никто не посмел бы сопротивляться»*.

На протяжении этих четырех месяцев, наоборот, почти любое, внешне конструктивное, решение чуть не тут же подкрепляется мерами контроля, принуждения и наказания.

Решение о передаче помещичьих имений, монастырской и церковной земли в распоряжение волостных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов сопровождается мерами по предотвращению хищений и порчи конфискуемого имущества.

Принятие крестьянского наказа и даже заявление при этом Ленина о том, что большевики будут голосовать за эсеровскую социализацию земли, заканчивается роспуском учредительного собрания.

28 ноября принимается декрет о рабочем контроле для обеспечения *«строжайшего порядка»* на всех предприятиях, а буквально через месяц из-за продолжающегося саботажа принимается другой – о национализации банков и предприятий, вводится трудовая повинность и прочие ограничения, устанавливаются разные меры наказания.

Ленин призывает трудящихся взять власть в свои руки, бороться против шаблонирования и попыток установления единообразия сверху, проявлять самодеятельность и тут же дает команды произвести обыски в Петрограде и на товарных станциях, привлекать к обыскам под угрозой лишения хлебной карточки, расстреливать спекулянтов на месте.

Ничего не работает, всюду саботаж, спекуляция – на всех и на всё требуются опять меры государственного принуждения и строжайшего наказания. Все его дореволюционные видения оказываются полнейшей утопией.

На седьмом съезде РКП(б) Ленин призывает к длительной борьбе, к преодолению *«гигантских трудностей, упорному преодолению разложения среди мелкобуржуазных элементов»*. Он объявляет войну против левацких уклонов и одновременно, как бы издеваясь над самим собой, взывает к мировой революции и выдвигает очередную наивную программу:

«социалистической организации производства под управлением рабочих организаций, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов;

замены полной и окончательной торговли планомерно-организованным распределением через торгово-промышленные союзы служащих под руководством советской власти;

принудительного объединения всего населения в потребительско-производственные коммуны... при всеобщей трудовой повинности;

универсализации учета и контроля за всем производством и распределением продуктов;

постепенного выравнивания всех зарплат и жалований во всех профессиях и категориях».

Какая страсть к организациям, к сверхпустому безответственному слову! Все закономерно – она прямое следствие полнейшего незнания реальной жизни и двадцатипятилетней такого же уровня агитационной практики в борьбе за будущую власть. А потому – революционные шатания из одной стороны в другую, сопровождаемые соответствующими пропагандистскими лозунгами и заявлениями, причем всегда в таком напорно-нахальном виде, как будто предлагаемые очередные изменения являлись следствием вдруг абсолютно изменившейся обстановки, а не своих собственных неправильных оценок и таких же вчера принятых ошибочных решений.

Буквально через месяц в интересах *«успешности дальнейшего наступления»* он считает необходимым *«приостановить наступление»* с тем, чтобы побеждать капитал не только мето-

дами подавления, но и методами управления» и заявляет, что *«без руководства специалистов различных отраслей, знания техники, опыта переход к социализму невозможен»*, что их нужно привлекать за высокую плату, что нужны определенные компромиссы...

В мае – июле под давлением голода, как будто он был не очевиден до этого, бросается снова в декретирование: он за хлебную монополию, продовольственную диктатуру, продовольственные отряды. А уже в августе с такой же активностью и напором призывает к повышению цен на хлеб, к союзу с крестьянством, к уступкам по отношению к середняку... для того, чтобы *«привлечь к строительству социализма максимум населения, все колеблющиеся элементы интеллигенции, среднее крестьянство, кооператоров»*.

Призывает видоизменить *«тактику в отношении к различным слоям мелкобуржуазной демократии»*, ставит вопрос даже о союзе с зажиточным крестьянством и, ссылаясь на Энгельса, говорит, что *«может быть и не всех крестьян, использующих наемный труд, придется экспроприировать»*.

И вновь (какой уже?) очередной сельвиль. Через две недели Ленин поднимает вопрос об организации коллективного сельского хозяйства, об общественной обработке земли, объявляет о выделении на эти цели одного миллиарда рублей и выражает уверенность в успешном решении данной задачи.

Представляете, что делалось с громадной страной, которую чуть не каждый божий день заставляли поворачиваться в прямо противоположных направлениях? Страна была взгромождена на лабораторный стол и отдана в руки одержимого экспериментатора, наделенного безграничным самомнением, лозунговой одержимостью и жадой власти.

Так продолжалось до 1921 года. Вот кратко ленинские вехи на этом оставшемся двухлетнем пути к нэпу.

17 января 1919 г. Ленин ставит вопрос об использовании кооперативного аппарата и заявляет, что *«нельзя построить социализм, не используя остатков капитализма»*, а через две недели, 2 февраля 1919 г., призывает к переходу *от «буржуазно-кооперативного к пролетарско-коммунистическому снабжению и распределению»*, считая эту задачу, как и всегда, *«немедленно требующую решения»*.

30 июля 1919 г. критикует свободную торговлю хлебом. Где-то, в то же время, сравнивает ее с *«экономической программой, с экономической основой Колчака»*, защищает государственную монополию, *«взимание хлеба принудительным путем»*.

В августе, ноябре и декабре 1919 года подчеркивает, что торговля хлебом есть возврат к капитализму и что многие этого не понимают. Однако в 1920 году, уже какой раз снова ведет разговор о том, что Россия не готова для *«действительного социалистического общества»*, не готова для коллективизации, что культурный уровень (вот ведь какое неожиданное очередное открытие) крестьян и рабочей массы не соответствует указанным задачам, что получилось (еще одна для него неожиданность) возрождение бюрократизма.

Наконец, в марте 1921 г. на десятом съезде РКП(б) вроде действительно полный поворот на 180°. Ленин четко и однозначно объявляет, что *«лозунг свободной торговли будет неизбежным и что он получит распространение потому, что отвечает экономическим условиям мелкого производителя»*. Правда, задержку с принятием такого решения он пытается списать поначалу на гражданскую войну. Но буквально тут же, в докладе о замене продразверстки натуральным налогом, вполне обоснованно и на этот раз неожиданно самокритично, признается:

«Громадная страна с плохими путями сообщения, с необъятными пространствами, различным климатом, различными сельскохозяйственными условиями и прочее неизбежно предполагает известную свободу оборота местного земледелия и местной промышленности в местном масштабе. Мы в этом отношении много погрешили, идя слишком далеко: мы слишком далеко зашли по пути национализации».

Далее задает вопрос и отвечает на него: *«Было ли это ошибкой? Несомненно... Прежняя наша программа была теоретически правильна, но практически несостоятельна»*.

Хотя, если исходить не только из здравого смысла, но и из всего сказанного Лениным здесь и затем на протяжении аргументированной борьбы за нэп, едва ли можно согласиться с тем, что она была правильна и теоретически, ибо была – утопична. Не потому ли в конце доклада он предложил принять решение, не дожидаясь его детальной проработки, *«довести немедленно до сведения всего мира и показать, что съезд, принимая его, исправляет систему отношений между пролетариатом и крестьянством»*, а чуть позднее признался и вовсе, что *«мы зашли дальше, чем это теоретически и политически было необходимо»*.

Весь 1921 год – это год некоего кажущегося просветления, признания Лениным полной несостоятельности прежней политики и вколачивания в мозги партийцев обратного тому, что он в них авторитетно и настойчиво забивал вчера. Ленин заведен и предлагает радикальные шаги не только по отношению к крестьянству, но и по отношению к мелкой буржуазии. Теперь он за мелкий капитал, за концессии, за сдачу в аренду капиталистам государственных предприятий, за привлечение спецов, дифференцированную плату за труд.

Но Ленин не был бы Лениным, если бы отказался от марксистских догм и природной страсти к непререкаемой власти. Нэп означал откат от первых ради второго, но явно в уменьшенных масштабах. Это было для него неприемлемым. И вот нэп, как говорят, не успел еще начаться, а в голове Ленина стал созреть новый план, он увидел *«конец этого отступления»*, заговорил *«об остановке отступления»*.

Так что не Сталин угробил нэп. Да и почему «угробил»? Ведь это только у партийных пропагандистов всё в одном цвете. Что такое нэп и тогдашний и теперешний – читатель отлично знает. Есть всё: и черное, и белое, и чего больше – еще вопрос. Сталин продлил его жизнь почти на пять лет. Боюсь, что при Ленине ему едва ли был бы отпущен столь большой срок. И тому и другому была мила *«единая крупная машина, организм, работающий по единому плану»*. Разница лишь в том, что Сталин не был «кремлевским мечтателем», он был деловым человеком.

Так кто же, в моем понимании, Ленин?

Это достойнейший по самоуверенности ученик Маркса, человек с явно авантюрным наполеоновского масштаба характером, обладавший колоссальной одержимостью, бешеным (по определению Бухарина) темпераментом и неумной жадой личной власти в самом широком смысле этого слова: от стремления быть во всем первым, направлять, определять, представлять, приказывать и заставлять себя слушать до желания стать во главе государства. Он превосходнейший агитатор, отлично, в силу своей собственной натуры, понимавший психологию человеческой массы, той ее наиболее «активной» части, что природно настроена на разрушение и быстрое приобретение ею лично желаемого.

Отсюда моментально появившаяся армия горячих его приверженцев – борцов за соответствующую способностям каждого долю власти, умеющих прилично, по законам всех революций, только убивать и разрушать. Для медленного и относительно скучного созидательного процесса она не пригодна: этот процесс требует людей другого склада ума и характера.

Не отвечал ему, судя по всему, и сам Ленин. Даже нэп был для него просто очередным тактическим шагом в борьбе за власть. За последнюю, будь соответствующая ситуация, он, как образцовый революционер, мог бы отправить под топор всю страну, которую к тому же не любил, а порой и ненавидел. Люди у него были материалом для амбициозно задуманного грандиозного эксперимента, где он хотел и мог играть только первую роль.

С другой стороны, из-за незнания настоящей жизни в границах естественного для большинства людей созидательного процесса Ленин не способен был к разумному управлению. В этой области он являл собой беззастенчивого агитатора, человека сиюминутного настроения. Пробежала мышь – трибунный призыв ко всем ловить мышей. Появились признаки голода

– немедленно хлебную монополию. Другой сигнал – таким же образом, но наоборот, свободную торговлю. Произошло восстание – давай нэп и т.д. Мучиться, сочинять, подыскивать слова – не надо. Готов произносить складные, воздействующие на умы воодушевленных революционным порывом людей, речи по первому, как говорят, зову души и сердца. Причем, в отрыве от контекста всего им сказанного (написанного) иногда буквально за день (или день спустя), каждая из них казалась даже вполне убедительной, и только в сравнении, в совокупности, со всем остальным превращалась в громаду пустых безответственных лозунгов, за которыми следовало разорение страны.

Лица подобного склада обладают, несмотря на высочайшую одаренность, болезненным восприятием действительности и не в состоянии, по неспособности или нежеланию, дать верную стратегическую оценку конечному результату своих ограниченных односторонностью устремлений. Им бесконечно нравится сам процесс движения, значимость и величие которого, к сожалению, есть прямая функция объемов разрушенного и числа смертей. Гегелевская формула о несоответствии достигнутого желаемому в первую очередь относится именно к данной категории лиц, творящих историю на трагической увлекаемости толпы критикой, верой в скорое счастливое будущее и впечатлительностью актов разрушения.

Ленин не виновен в свершении революции. Первопричина и неизбежность революции – не в прямых ее организаторах. Они – в глупости, непомерной личной жадности и страсти к мишуре предшествующего правления. Потенциально у власти есть масса способов и средств обращения людей в свою веру, но так устроен пока мир, что наипервейшими из них, в силу названных причин, оказываются ложь, обман, устрашение. Именно поведение власти создает условия для всплеска на кривой медленной эволюции, который начинается под воздействием конкретных личностей, одержимых страстью к самоутверждению, но готовится, прежде всего, глупостью и недальновидностью власти, ее окружения и удовлетворенных ею отдельных групп людей.

Это они, с мышлением от живота, а не от головы, являются главными стимуляторами последующих событий. Выводят атмосферу возмущений на уровень, выше которого борьба естественная выливается в катастрофу – террор, бунт или революцию. Это они предоставляют в руки новых одержимых богатейший материал для критики и популистского воздействия на массу. Это они своим поведением безоглядно настойчиво готовят ее к ненависти, зависти и мести к себе. Так что Ленин действовал в полном соответствии с законами жизни и, вопреки теперешнему взгляду современных скорописцев, действовал вполне адекватно дикостям предшествующей ему власти, которые тогда имели место. Потому не он виновен и в кровавых жестокостях гражданской войны, и прочих творимых тогда зверствах: слишком сильны были на то выше упомянутые исходные причины, к которым мы будем неоднократно возвращаться и далее.

Вина Ленина, если так можно сказать, в том, что, руководствуясь той же известной нормой опоры на ложь и насилие, с первых дней новой власти, в позиции не критика, а прямого организатора – строителя нового общества, стал возводить мощный фундамент очередного возмущения народа и его бунта. К тому же, в силу того, что ошибки предшествующего правления были грубы и впечатлительны, собирающийся их капитально устранить потерял голову, за ними не видел ничего положительного и стал формировать свою конструктивную часть программы на одном отрицании существующего. Он не желал и не хотел, естественно, знать, что мир строится из редких талантливых крох и что революция с ее разрушением и злом порождение людей, гениальность которых – их маниакальность и нахальство. Весь смысл ее состоит только в захвате власти и последующем перераспределении общественных благ, да разве еще в одном подтверждении повторяемости событий, связанных с деяниями человека.

Марксистское социалистическое общество по генеральной его идее – явило собой в принципиальной основе то же капиталистическое рабство большинства, ту же, чуть не мгновен-

ную, устремленность к барским условиям жизни привластного меньшинства, но только с одним «единым хозяином» одной «единой крупной машины». Бросив сей совершенно спонтанный лозунг о единой машине и едином плане, Ленин невольно дал самую краткую и наиболее емкую характеристику сути социализма, при котором практически любой человек действительно становится полным придатком этой машины и ее одного хозяина.

Выводы? Они аналогичны приведенным в главе о Марксе.

Революция, как и следовало ожидать, оказалась трагедией для конкретного ее совершающего сообщества людей. Она стала полезной для других в плане дарового приобретения положительного импульса и чисто эгоистического ожидания отрицательных последствий самого ошибочного эксперимента. Вместе с тем она была естественной. Порожденная волей Ленина и ему подобных, не очень далеких, но властных и устремленных, она вызвала вполне объективную критику состоявшегося и оставила после себя только то, что может остаться в пределах, определенных законами природы.

Масштаб революции есть функция глупости и развращенности старой власти, настырности жаждущих ее свергнуть и увлекаемости людей демагогической болтовней как самой власти, так и ее критиков. К сожалению, в силу нашей низкой общей культурности эта формула блестяще подтверждается вновь. По крайней мере, в первой своей составляющей она проявилась почти полностью. Остается вывести массу по возмущению на критическую отметку, а затем появиться новому ленину, да еще, для усиления, с новым марксом в придачу, и очередная революция нам обеспечена.

В этом движение – и больше ничего. Старое, несправедное, ожиревшее и разлагающееся, должно умереть и уступить место новому благородно спокойно или в агонии борьбы. Для того чтобы это происходило по первому сценарию, нужно подняться массе по сознательности и культуре до уровня полного игнорирования и неприятия пошлой болтовни, какими бы красивыми лозунгами, обещаниями и предсказаниями она ни сопровождалась и от кого бы ни исходила.

Сталин

Во всей мировой истории, пожалуй, самая грандиозная и наиболее, чисто по-человечески, загадочная фигура. По достигнутым результатам и их продолжительности, правда, в стратегическом плане настолько же эфемерным, как и прямые желаемые результаты всех остальных подобных вершителей судеб человечества, Сталину нет равных. О нем много написано. Но написано либо из мести и зависти, как у Троцкого, либо с непомерным желанием придать событиям и поступкам свое собственное авторски-личностное представление об их мотивации, порой ничего общего не имеющего с реальной действительностью, как у Волкогонова, либо с односторонней увлеченностью, как у Радзинского, какими-либо чисто внешними его человеческими характеристиками (вроде хитрости, артистических способностей, предусмотрительности), сдобренных литературными вывертами, и, опять же, собственной интерпретацией событий, представленных нам как бы для украшения самого повествования, либо явно предвзято односторонне, как у очень многих, под впечатлением его жестокости и учиненных им репрессий.

Выделяется среди сталинских биографов английский историк Алан Буллок. В своей книге «Гитлер и Сталин» он делает упор на исторические факты и события. Это читается. Но там, где он, хотя и в меньшей степени, чем предыдущие, касается собственных оценок и, особенно, мотивации решений и поступков своих героев, также плохо воспринимается и по тем же причинам, – видения чего-либо глазами нормального человека, которое просто не может быть адекватным таковому у людей, болезненно одержимых идеями «мирового» масштаба. Нелепостей и глупостей в этом плане настолько много, что становится непонятно, как они могли быть допущены столь опытными авторами.

Волкогонову, например, представлялись совершенно смехотворными обвинения Бухарина в шпионаже, заговорах. Что же должен был сделать Сталин в ответ на ерничание Бухарина? Вызвать на дуэль? Подать в суд за оскорбление? Зачем? Объявить шпионом. По тем временам самый легкий, издевательски простой способ разделаться с подлецом. Действие ничуть не мерзостнее, чем за глаза болтать о глупости и тупости человека, вчера еще тобой восхваляемого с высокой трибуны. Или, удивляясь, он писал: «Разве можно было даже мысленно допустить, что из семи членов Политбюро, избранных в мае 1924 года, шестеро окажутся врагами?!»

Нет, судить о таких людях, дабы добраться до истины, можно и должно только по их конкретным делам. Обратные сказанному теоретизированные рассуждения, например Волкогонова, о неких «догматических (это любимое его слово в критике Сталина), радикальных доктринерских началах, которые изнутри дегуманизировали и «обессиливали» марксизм», – есть элементарная интеллигентская болтовня людей, ничего не понимающих в законах движения человека по жизни. И когда я читаю подобное приведенному, мне каждый раз хочется выдвинуть не менее парадоксальную, но более реальную и более приземленную идею. А не был ли тут гольный сталинский практицизм – строительство удобного ему государства, государства его видения, сопровождаемое просто для потехи откровенно-издевательским театральным представлением в виде периодического изречения этих самых догматических, радикально доктринерских марксистских начал? Вспомните сказку про голого короля. Разве не смешно было слышать простому люду, как в угоднической придворной соревновательности расписывались его одеяния?

Да, Сталин был палач. Но в какой исторической обстановке и при каком окружении? Политических болтунов, приспособленных по своей природе, кажется, лишь к бойне и разрушению, митингам, собраниям и грязной борьбе за влияние и личную власть, вполне, впрочем,

естественную в данной среде после смерти их главного лидера. К революции, по большому счету, пришли бандиты. Они жили по законам шайки. Ничего святого, ни честности, ни чести: и Троцкий, и Зиновьев, и Бухарин, и все остальные, за исключением «щелок», которые, по всем правилам, тоже должны были лететь при рубке леса. Вот ему и пришлось доказать, придумав метод нагло-цитатной полемики со своими ортодоксальными противниками, кто из шайки сильнее, хитрее и умнее.

Однако в жизни нет ничего однозначного, и зло здесь оказалось сочетаемым со своеобразным соломониным судом над первыми лицами, формально не подсудными людьми, когда за все свершенные ими дичайшие преступления их наказывали как бы сами развивающиеся события, сама история. То, что при этом гибли невинные, печально. Но тут, кажется, дело не только в одном Сталине, а и в многочисленных его «помощниках».

Шла массовая многоэтапная расправа одних подлецов с другими. Расправа не только от страха, но и, как это в реальной жизни бывает, в состоянии завода: от злобы, мести, зависти и прочих чисто негативных человеческих характеристик. Не одним страхом, а и таковым обстоятельством, что в определяющей основе «маленькие» бандиты расправлялись с «большими», уже заевшимися и вкусившими кое-что от соцраспределительного механизма, можно объяснить ту вакханалию, то зверство, с каким вершились следствие и суд. В том числе и то, почему в эту мясорубку была затянута огромная масса безвинных жертв. Фактические деяния подсудимых, которые вызвали неподдельную ненависть и озлобленность следствия и суда, оставались часто как бы за кадром, за рамками формального протокола допроса, сочиняемого по стандартному, заданному им главным режиссером, издевательски нахальному лживому трафарету. В борьбе за власть при тех условиях и в той обстановке, когда только что, при его предшественнике, рекой лилась кровь, иное просто исключалось.

Кстати, если бы в истории не было подобных судов и казней, то вся сия братия вообще бы офонарела. Ее лишь это обстоятельство сколько-то, может, и сдерживает. В 1946 году, когда пошли разговоры о возможной следующей мировой войне, я говорил: ее не будет лет пятьдесят, пока не умрут ныне живущие. Почему? – спрашивали меня. Прецедент Нюрнбергского процесса, – отвечал я. Эта придуманная и тогда проведенная Сталиным (главным образом, думаю, именно благодаря ему) штучка была почище любых бомб. А то ведь сошлут на какой-нибудь остров Святой Елены, да еще с дворцовой свитой. И на тебе, – наказание. Черная, несправедливая (но, в силу той же обывательской зависти и той же ненависти ко всей этой главной креатуре подсудимых, объяснимая и даже одобрительно воспринятая массой честного трудового народа) сторона сталинского правления. А светлая, куда ее денешь? Она же была, она известна.

Если исходить из основополагающих принципов существования всего живого, то в нашем мире нет ничего неизвестного, непонятного, исключая разве по-настоящему новые открытия и пионерские изобретения. Проблема жизнеустойчивости государства была хорошо известна Макиавелли (более подробно о нем смотрите ниже) еще 500 лет назад, когда он писал о том, как «все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку...», ибо «беспорядок – гибель», и как этот порядок надо наводить. Макиавелли, отметим для усиления, тем знаменит, что в отличие от других говорюнов-философов ничего не придумывал, а лишь констатировал известное, а значит, писал о том, что имело место и ранее.

Все с нами случившееся человечеством было проиграно многократно, и всегда по одному и тому же практически сценарию. Сталин здесь никакое не исключение и, теперь в интересующем нас историческом плане, как личность не представляет никакой загадки. Он хотел войти в большую историю и, опираясь на Макиавелли, знал, как это надо сделать, как стать не просто во главе «крупной машины», а во главе реальной Великой империи. Он был неплохим учеником и взял от Ленина весь придуманный им партийный инструментарий, за исключением лозунговой

болтовни и его неспособности к достаточно длительному и «однообразному» созидательному процессу.

Сталин оказался незаурядной личностью, величайшим государственным и такой же величины прагматиком, органически сочетавшим последнее, кроме того, еще и с чисто личностными устремлениями. На негодном фундаменте марксовской утопии за каких-то два десятка лет, руководствуясь в большой степени Витта пониманием государственных процедур, Форда подходами к управлению и производству, Крылова и Капицы взглядами на дела и жизнь людей, а главное, собственными представлениями о том, что принятое им от Ленина может быть задействовано и эффективно работать только в рамках всеобщего принуждения и жесточайшего единовластия, он заложил столь мощное государство, что, несмотря на известные разрушительные акции всех последующих «вождей», оно просуществовало еще 40 лет, а затем целых 10, теперешних, продолжает худо-бедно плестись при почти полной неуправляемости и нещадном его разграблении. Попытки некоторых экономистов и политологов распрояснить нам, что созидательный процесс в нашей стране имел место и после смерти Сталина, могут быть отнесены только ко времени, ибо все отмечаемые ими тут наиболее впечатляющие успехи и достижения произошли еще в те годы советской власти, когда, в силу ньютоновского закона инерции, применимого к большим социальным системам в такой же степени, как и к телам физическим, мы продолжали фактически жить по сталинским планам и на материальном базисе, при нем построенном.

Сталин еще раз, в непревзойденном масштабе, фактически повторил давно известное и блестяще доказал. Что людьми руководит никакая не идеология, а в чистейшем виде человеческая страсть. Что идеология просто инструмент для движения к заветной цели. Что последняя, дабы оставить действительно по-настоящему заметный о себе след в истории, может быть достигнута только при упомянутом полном единовластии. Что для одержимых властными поползновениями людей нет понятий совести, чести и других подобных категорий человеческого поведения, ласкающих души обычных смертных.

Всеми своими деяниями, несмотря на отмеченное явное умение не только казнить, но и заставить людей работать, творить и верить, он, взяв на вооружение марксистско-ленинскую идеологию, подтвердил и вторую часть подобных человеческих деяний – их фактическую стратегическую бессмысленность, их не свершимость, как только они переходят за некую черту допустимого природой живого.

Больше о Сталине историкам ничего не надо знать и ничего не надо придумывать: все давно известно. Писать о нем следует в романах. Тут поле для авторских измышлений, кажется, не имеет границ. Природный ум и хитрость; целеустремленность и прагматизм; самообладание и выдержка; уникальный им придуманный метод нагло-догматической полемики со своими ортодоксальными политическими противниками; невиданная жестокость в сочетании с выдающимися способностями организатора, изумительным знанием психологии нормального человека и умением очаровать, наделить властью и дать почувствовать (в рамках им задуманного и дозволенного) сладость последней его последователям, разным деятелям и руководителям – полный набор характеристик на любой писательский зуд.

Троцкий

Еще одна личность, выдвинутая на арену российской революцией. Удивительная своим психопатическим самомнением и почти таким же влечением к власти, может даже и не к самой власти, как таковой, а к ее атрибутам, к процессу властвования – во всей его полноте проявления. Удивительное сочетание высокой образованности, талантливости, способности к живому образному слову с безбожной ограниченностью, когда вопрос касался каких-либо марксистских догм или придуманных норм и правил в подходах к жизни. Явно эгоцентристски исходящих от чисто личностных привлекательных сторон собственной природы – характерных способностей и возможностей. Ленин был похож и ему нравился. Сталин не способен к *«импровизации, смелой инициативе, вдохновению, не слыл трибуном, ему не хватало красок, личности, размаха, воображения, капризного великодушия»*, – второй сорт, серая ограниченность, хотя и красиво загнавшая в угол Троцкого, обладавшего всеми выше названными качествами.

Троцкий незауряден, одарен, но это одаренность революционера, способного только к войне и разрушению. Результат его жизни – один сплошной негатив при впечатлительном для толпы движении по жизни, включая свою собственную смерть и уготованную им смерть чуть ли не всех родных и близких. Еще один нагляднейший пример того, как человеком правит не идеология, а натура с ее страстями, одержимостью и жадой власти.

Чем в большей степени они довлеют над человеком, тем больше вероятность движения к конечной цели своей деятельности вне давно известного опыта мировой истории, вне законов природы живого, вне элементарной оценки вокруг происходящего. Вроде отношения Троцкого к несправедливости и даже зверству, что творил он по отношению к сотням и тысячам людей, и к тому же самому, когда оно вдруг адресовалось ему лично – двойной мерке, являющейся чуть ли не красной нитью всей его жизни. Его писания о Сталине прямое подтверждение сказанному. Везде двойственность в подходах к оценке событий и людей. Выгодно мне – хорошо, выгодно Сталину – плохо. А в результате, – замысленное фактически в качестве пасквиля на Сталина оказывается почти безупречным пасквилом на самого себя.

Троцкий и ему подобные есть продукт массового психоза человечества, приспособленного к замороженному одномерному восприятию внешних атрибутов движения «героя» по жизни. Насилия и разрушения, трибунных речей, броских лозунгов, пустых обещаний – всего того, что бьет на психику человека и не подвергается им хотя бы малому анализу. Исключи эту «замороженность» – и от Троцкого осталось бы одно пустое место, в лучшем случае музыкальный шум из красивых, но таких же пустых словосочетаний.

Волгогонов в политическом портрете «Лев Троцкий» приводит сталинскую характеристику Троцкого как главаря «оголтелой банды вредителей». Отбросим политизированную ее подоплеку, и мы увидим, что, по существу, она полностью соответствует реальной действительности. «Одержимый мощный интеллект» в конечном итоге являлся настоящим вредителем. Впрочем, таковыми являлись и все остальные его сподвижники-революционеры. Что они нужны – нет спора. Но нужны именно так, как и все другие вредители в живой природе. Для того, надо полагать, чтобы лучше оттачивался дух созидания.

У Волгогонова есть еще и другая характеристика – Бердяева, подчеркивающая, естественно, волгогоновское мнение о данном герое. Его приверженность индивидуальности, инициативности, героической революционной личности и одновременно нетерпимость к посредственности и бездарности. А ведь Троцкий-то и был как раз самой яркой бездарностью. Ибо самая последняя заурядность хоть что-то, но оставляет после себя в жизни. Эта не оставила

ничего, кроме известности и только из-за упомянутого глупейшего свойства человечества – восхищенной страсти к актам убийства, поджога и разрушения....

Троцкий возбуждал людей отнюдь не своим писательским искусством, не глубиной мысли, а своими ораторскими способностями, порождаемыми любой революцией или бунтом в силу исключительной ограниченности и убогости в таковой ситуации потребных на то средств. Не потому ли он невольно дал сам себе наиболее емкую характеристику? «Политические деятели, которые были только ораторами, отличались всегда поверхностностью». Троцкий вставляет тут слово «только», поскольку относит себя к писателям и считает писательское искусство более глубоким, «позволяющим соединить глубину с высокой формой». На самом деле в его огромном печатном собрании нет никакой глубины, как раз одна «высокая форма», может лишь более высокая, более продуманная, как и должно быть для писаного труда, чем в трибунном экспромтном выступлении.

Впрочем, и высокая форма довольно часто выливается у него буквально в заикленную тавтологию. В писаниях о Сталине он бесчисленное число раз обращает внимание читателя на те периоды жизни последнего, когда о нем «никто или почти никто ничего не знал», когда в каких-то списках известных лиц «его нет», когда кто-то в своих воспоминаниях вовсе «не упоминал о нем» или «не выделял его из остальных комитетчиков», когда он среди куда-либо или для чего-либо избранных, назначенных оказывался на «втором», «третьем», а то и «последнем месте». Неистовое число повторов одного и того же среди многократно им обговоренного притязания на объективность. А ведь речь здесь идет о произведении явно критическом, т.е. той творческой составляющей писательского труда, которая должна бы, по всем правилам, выглядеть в глазах читателя наиболее впечатляющей.

То же самое можно сказать и о его догматическом способе доказательства чего-либо (впрочем, свойственном всем марксистам, в том числе и Сталину), когда главным аргументом в споре являлась апелляция к богу Марксу или Ленину и когда несогласие с последними противной стороны выдавалось за ее глупость, а согласие, в надлежащем по обстановке месте, – за политическую ограниченность или соглашательство.

Нет, люди типа Троцкого были от рождения заведены на тенденциозность, односторонность и звонкую узколобость мышления. При самом маломальском анализе их творений просто нельзя не сделать выводов прямо противоположных тому, что они утверждали, к чему стремились, что пропагандировали. Они заведены на величие процесса деятельности, а не на его реальные и полезные результаты. Они очарованы творимым злом.

Ореол исторической личности никогда не служил сдерживающим началом. Как же иногда хочется, чтобы оно, это человечество, научилось полностью игнорировать подобных «героев» истории, которые делали ее, пускаясь вплавь по морю человеческой крови. Не воспевать их, не заслушиваться и не зачитываться повествованиями о их идиотическом движении по жизни, а презирать и только презирать надо бы нам всем научиться. А когда таковой подход станет известным всем жаждущим войти в историю через насилие, думаю, что и последних станет несколько меньше.

Бухарин

Н.И. Бухарин – ценнейший и крупнейший, по характеристике Ленина, теоретик партии. Талантливейший теоретик, – язвительно и не без оснований добавляет Э. Радзинский. Из всего мною прочитанного и услышанного не мог запечатлеть в памяти ни одной фразы, ни одной мысли Бухарина, которые оставили хотя бы самый малый след в душе. Полнейшая неудовлетворенность и обида. Не на него – опять на человечество, на его ту часть, что способна быть увлеченной и верить во всю пропагандируемую ей галиматью.

Разве, будучи нормальным, можно воспринять бухаринскую манеру доказательств? Например: «Существование планомерной организации внутри капиталистических стран; существование в определенный период системы государственного капитализма есть *эмпирическое доказательство* возможности коммунистического строительства... *Отсюда следует*, что если капитализм *созрел* для государственного капитализма, то он *созрел* и для эпохи коммунистического строительства», и «*математическая вероятность* социализма при таких условиях превращается в практическую *достоверность*». Это из его «Экономики переходного периода». Какая точность, какая «теоретическая» глубина, какая железная логика!

Или в другом месте: «Если процесс труда имеет такое огромное значение с точки зрения теории исторического материализма, то совершенно ясно, что *он должен иметь* решающее значение и в теории политической экономии. Материалистическое понимание истории есть предпосылка экономической теории вообще, экономической теории капитализма в частности. *Следовательно*, марксизму совершенно чужды и глубоко враждебны все виды теоретического экономического идеализма, субъективизма, внеисторичности». И так на протяжении всей статьи «Учение Маркса и его историческое значение», усыпанной, в дополнение к приведенному, видимо, для пушей убедительности, доброй сотней слов сорняков, вроде: *революционный марксизм, небывалая высота, великая доктрина, единственное теоретическое обобщение, гигантский синтез, величественное построение, глубочайший, величайший самый совершенный историзм, титанический, всеобъемлющий, великий гений пролетарской революции, гигант мысли и действия...*

Аналогичным образом у него написано и всё остальное. Что это? Авторская глупость? Или сознательная беспардонная ложь подлеца, с двойной моралью и «поповско-квакерской, – по Троцкому, – болтовней о священной ценности человеческой жизни», сначала рвавшего к власти, а затем и познавшего ее прелести? Однако, судя по бездарному и абсолютно недипломатичному выступлению перед своими «сподвижниками», обвинявшими его в правом уклоне на объединенном пленуме ЦК ВКП (б) в апреле 1929 г., полагаю, что имело место и то и другое.

Писать, правда, он умел быстро и довольно складно – в полном соответствии с правилами и нормами политической жизни, особо тех, кто подвизался на вторых, обслуживающих, ролях революционных движений. И потому его писанина и в подметки не годится сочиненному, ну хотя бы, даже Троцким. Последний все же старался и делал это для прославления своего имени в истории, Бухарин – показать свое присутствие в ней в качестве типичного партийного ортодокса.

Волкогонов

Из справки. Дмитрий Антонович Волкогонов – доктор исторических и философских наук, профессор. Его перу принадлежит более 20 книг по вопросам философии, истории, политики, несколько сот научных и публицистических статей...

Талантлив? Бесспорно. Но бесспорно и другое. Он, может вынужденно, певец придворный, привыкший быть трубадуром «нужного», в крайнем случае, дозволенного. И вот на склоне лет он берется за свою трилогию «Вожди»: о Ленине, Троцком, Сталине. Начинает он ее с конца – со Сталина. Почему? Потому, что Ленин тогда пока еще официальный бог, Троцкий – враг народа. Только Сталин – фигура почти беззащитная, разрешенная для «объективного» повествования. Но как отказаться от себя, от всего тобой не сказанного, – написанного? Как обелить себя, представить читателю в более или менее приличном виде?

Наивно предполагать, что умный человек задавал себе подобные вопросы. Защитная реакция срабатывает интуитивно. Потому Волкогонов во времена, когда о названных лицах были доступны сотни вполне объективных статей и книг, пишет свою трилогию на основе двух явно выделяющихся исходных оснований: использования до сего неизвестных ему архивных материалов с подчеркнутой документальностью всего им описываемого; и прямо противоположного, – собственных чисто личностных представлений и оценок. Первое позволяло ему в некоторой степени реабилитировать себя ранее имевшей место секретностью и, отсюда, незнанием якобы всей ситуации; второе, в этом аспекте, предоставляло для того же еще большие возможности – авторской интерпретацией событий и, главным образом, таковой в части мотивации поступков и действий его героев.

Получилось ли? Для неглубокого читателя – возможно. Для внимательного – едва ли. Последнее особенно видно на примере первых двух книг о Сталине.

Неудовлетворенность, даже некоторую досаду на автора начинаешь испытывать с первых страниц и, прежде всего, от его ничем неоправданного противопоставления Сталину – бога Ленина. Почти постоянная на протяжении двух томов идеализация Ленина, главного фактически преступника последней мировой истории. Естественно, при оценке по результатам его деяний, а отнюдь не по намерениям, против чего, кажется, не возражает и сам автор, ссылаясь где-то на плехановскую «диалектическую зависимость исторической оценки человека от его реального вклада».

В части насилия, а оно является у него основным в критике Сталина, Ленину самому вполне заслуженно принадлежит первое место. Опять, если не копаться в мелочах и не конкретизировать, – кого и как убивали. Нормальному здоровому человеку, не закомплексованному всякими условностями и глупостями, достаточно знать число убитых. А для установления последнего совсем не обязательно иметь доступ к секретным материалам, что блестяще в свое время было продемонстрировано Солоухиным в небольшой заметке, написанной только по известным фактам и «узаконенным» ленинским трудам. Как бы специально в пику тем, кто десятилетиями неумно воспевал это имя, а затем вдруг узнал о нем нечто «новое» через попавший в руки секретный приказ.

Солоухин – литератор, значит понимал, что к чему и кто к кому, миллионы обычных людей – тоже, а Волкогонов с компанией историков и философов – нет. Считал себя выдающимся публицистом и не представлял, что для верного отображения движения человека (тем более известной личности) по жизни вполне достаточно было знать, какое место его «герой» в истории занимал и что при этом происходило без всякого на то видения каких-либо тайных документов и секретных приказов!

Вообще, судя по многочисленным лирическим отступлениям, а они есть одна из основных характеристик прежде всего самого автора, Волкогонову свойственно какое-то буквально

болезненное желание передать читателю собственные восприятия о том, что его герои думали, чувствовали, знали, о чем мечтали, как переживали. Далекий от мысли, повторяюсь, что делал он это с задним умыслом, но затуманивал описываемое и придавал некий личностный акцент их поступкам и действиям явно, хотя наивностью подобных домыслов достигал результатов, кажется, совсем обратных желаниям. А уж о том, что эти сотни раз повторяющиеся думания и чувствования вызывают самую большую неудовлетворенность, не следует и говорить.

Он пишет, что не мог, например, понять санкционирование Сталиным расправы «с популярным деятелем партии». Почему? Да потому, видите ли, что ему, Сталину, было *знакомо* «теплое отношение Ленина к Бухарину». А несколько ниже, как бы отвечая на свое нелепое удивление, подводит читателя к аналогичной глубины вопросу. Не заключались ли «глубинные причины... жестокости и коварства этого человека... в шемпящем ощущении своей интеллектуальной недостаточности, которую *он чувствовал*, слушая на партсъездах в Лондоне, Стокгольме блестящие речи Потресова, Плеханова, Аксельрода, Дана, Мартова?» Ничего не скажешь: словом и беглостью слога Волкогонов владеет столь же блестяще, как и упомянутые им господа. А Сталин, могу предположить, в той обстановке после недавней виденной российской действительности, скорее всего сидел там и издевался над всей их заграничной трескотней. Или – вытаскивается автором известная характеристика Троцким Сталина как «наиболее выдающейся посредственности», которая тут же им развенчивается не менее «выдающейся» характеристикой самого Троцкого. Но фраза написана. Как ее прочтет читатель? Догадается, поймет ли он, что вся эта, и подобная ей другая, авторская отсебятина, почти постоянно вступающая в противоречие с приводимыми автором фактами, может быть отображена со значительно большей убедительностью и с абсолютно противоположными акцентами. Кстати, Э. Радзинский в своей книге о Сталине, как бы в пику Волкогонову, так и поступил, сопроводив те же самые факты собственной чисто литературной отсебятиной, но с абсолютно обратным звучанием.

Однако это мелочи. Есть масса более серьезных упущений, так сказать, «теоретического» плана, – непонимание Волкогоновым законов движения по жизни чем-либо одержимых людей. Он отмечает, что Сталин усвоил основные положения марксизма... «но без *ярко* выраженной способности их творческого применения». Эту-то утопию? Да он не только творчески усвоил и применил, он архичетко ее проэксплуатировал, создав не какую-нибудь бумажную, а самую настоящую, работавшую при нем, диктатуро-пролетарскую монархию. Или, может Волкогонов под «творческим применением» имеет в виду нечто свое собственное – вроде демагогических научных писаний о марксизме в ту сталинскую эпоху? Отсюда, видимо, ему и не нравятся сталинские: «догматизм, неспособность овладеть диалектикой, схематичное мышление», его «простота и элементарность», которые «не звали к углубленному анализу». Это почти постоянные явно одиозные и не к месту высказываемые упреки автора в адрес генсека. Один характерный случай по сему поводу.

В 1925 году, когда Сталин окончательно утвердился в Кремле, он поручил своему помощнику Товстухе подобрать для него библиотеку. Почувствовав затруднения помощника, он сам, как пишет Волкогонов, «почти без раздумий в течение 10-15 минут написал простым карандашом сохранившуюся в архивах «Записку библиотекаря». Типичное волкогоновское «художественное домысливание», как правило, у него также абсолютно неестественное и надуманное.

Судя по четкости построения этой «записки», ее классификационной полноте и логичности никакой это не написанный «без раздумий» экспромт. Сталин, уверен, его вынашивал не один день и просто, будучи прирожденным лицедеем, лишней раз продемонстрировал Товстухе свои наполеоновские способности. Замечание, однако, мое не в этом. Упомянув в первой строке систематической части своего списка книги по философии, а далее и все остальные, более чем по 30 разделам, включая аж мемуары, он, из явно усматриваемых сугубо своих

прагматических соображений, попросил из упомянутой «классификации изъять книги (расположить их отдельно)»: Ленина, Маркса, Энгельса, Каутского, Плеханова, Троцкого... , всех остальных того же плана, кончая Радеком. Список безупречный от первого до последнего слова, от первой до последней приведенной в нем фамилии... и даже в части особых замечаний и пожеланий. Волкогонов, и тут устремленный в свои милые глупости, упрекает Сталина в том, что список... «беден персоналиями», что в нем нет «таких корифеев мысли, как Гегель, Кант... Декарт, Дидро». А ведь из всего сказанного видно, очевидно видно, что все они, выше названные, без сомнения обязаны были быть включенными в число общих трудов по философии! Не Сталин, похоже, не понимал логики здравого мышления и практической диалектики, а сам Волкогонов.

Буквально накануне войны Сталин, по представлению начальника Главного артиллерийского управления Кулика, несмотря на возражения наркома вооружения Ванникова, подписал распоряжение о снятии с вооружения 75-миллиметровой танковой пушки и замене ее на 107-миллиметровую. Решение оказалось ошибочным, и пришлось срочно возвращаться к прежнему варианту. Выводы Волкогонова: Сталин, не «будучи специалистом», ошибся, но виновными в сем обвинил Кулика и активно выступившего за названное предложение Жданова. А ведь на самом деле Сталин только и сделал, что поддержал заказчика, т.е. принял при своем высоком положении вполне объяснимый, с точки зрения здравого смысла, вариант решения. И почему, спрашивается, Сталин должен был быть специалистом всего и вся, и почему Кулик, со своими наверняка многочисленными экспертами, не мог допустить ошибки, а кто-то ее не заметить? Обычный случай в конструкторской практике тех лет, когда технический спор вытаскивался на рассмотрение как можно выше, и даже к Главному. Или, может, Волкогонов сам «специалист» и был на том совещании, оценил техническую суть спора и... лично установил более высокую аргументированность и доказательность доводов Ванникова? Опять типичная волкогоновская логика – не соответствующие фактам авторские выводы.

Еще один пример. На доброй сотне страниц Волкогонов обкатывает идею об «абсолютно» ошибочном поведении Сталина в период, предшествующий началу Великой Отечественной войны, полном игнорировании многочисленных вполне надежных разведанных и серьезных, заслуживающих доверия, предупреждений о возможном скором выступлении немцев. Неимоверных им предпринимаемых шагах, дабы настроить всех: и народ, и ближайшее свое окружение, против адекватного восприятия подобной информации. И невдомек ему, критику сталинской алогичности, что начни тот войну первым (а думаю, что не начни, а только окажи с первых ее часов более или менее впечатляющее для внешнего мира сопротивление и отбрось немцев) не было бы и в помине никакой антигитлеровской коалиции. Возможность предполагаемого развития событий, случись так, – исключительно высока. Даже Геббельс сообразил и записал в своем дневнике 13 июня 1941 года, что «Сталин явно хочет сильно выраженным тоном заранее определить вину за предположительное развязывание войны». Опять же не стоит гадать, уподобляясь чуть не всем биографам Сталина, почему он так поступил. Нас привлекает конечный результат, а он таков, каков получился. И в этой части интересующих нас событий Сталиным, похоже, было сделано все, чтобы он получился именно таковым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.